

Жена Зябкина

Они дружили еще с института. Ну как сказать дружили — встречались курсом раз в три или пять лет, чтобы услышать, что никто совсем не изменился, ни капельки: девочки по-прежнему молоды и прекрасны, мальчики — бодры, веселы и еще хоть куда. Что годы над ними не властны и все ощущения как в двадцать лет.

Старостой была Каринка. От нее же всегда и исходила инициатива встреч. Она завела чат, который поддерживала как ответственный администратор — время от времени выставляла фотографии студенческих времен, поздравляла Машку с рождением первого внука, а Катюху со статуем свекрови. Не забывала про праздники, дни рождения. Именно Каринка задала в чате вопрос: «Ребят, а кто с Зябкиным видится?» Зябкин, как написала Каринка, давно в чате не появлялся, и она волнуется — может, что случилось? Телефон сменил точно. Она звонила по старому номеру, абонент заблокирован. А ведь очередная встреча уже через

Маша Трауб

месяц. Зябкина надо найти и поставить в известность. Каринка всегда была очень ответственной — она еще в институте знала, кто действительно заболел, а кто прогуливает. У кого роман и с кем. При этом никогда не сплетничала, просто собирала сведения для отчетности.

Лена написала, что как-то столкнулась с Зябкиным в парке — он шел пешком до дома, вместо пробежки. Отлично выглядит, поседел правда. «Мне нужно с ним связаться. Узнай его новый номер», — попросила Каринка.

Лена еще посмеялась, что староста — это не должность, а диагноз. Сменил номер? Предоставь новый для связи. Пропал? Сообщи, куда именно и надолго ли. В случае с Зябкиным вопрос, как с ним теперь связаться, был актуальным для многих. Зябкин работал то ли советником, то ли еще кем-то важным в правительстве Подмосковья и имел обширные связи в разных кругах. Настолько разных, что многие диву давались. Он мог пристроить на госслужбу не только любимого сыночка или дочку однокурсницы, но при желании и любимого хомячка чада трудоустроить. Через Зябкина детям устраивались стажировки, целевое поступление в институт и прочие теплые места, включая больницы, детские сады, школы и прочие государственные учреждения. Зябкин никогда никому не отказывал.

Конечно, его все любили. Не только за готовность помочь, но и за легкий характер, чувство юмора. Кто за что.

Или я сейчас умру от счастья

Зябкина, как говорила Карина, невозможно было не любить. Если Карина всегда четко следовала правилам, то Зябкин умел их так нарушать, что никому не было обидно, а всем приятно. Даже в институте только Зябкин своим обаянием и личным и весьма близким знакомством с секретарем декана мог добиться, чтобы сменили преподавателя, которого вся группа терпеть не могла. Да сделать это так аккуратно и корректно, что сам препод Зябкина поблагодарил бутылкой коньяка. Зябкин мог поднатаскать по математике сына преподавательницы философии и для всей группы получить зачет автоматом. И лишь постфактум сообщить, что парня тошнило от одного вида цифр и занятия продолжались целых полгода. Надо ли говорить, что за это время он успел познакомиться с учительницей математики своего подопечного и найти с ней полное взаимопонимание. Насколько полное — лучше было не интересоваться. Но парнишка получил четверку в году, а его счастливая мать готова была расписаться не только в зачетках, но и в любом месте, на которое укажет ей Зябкин.

Он был службой спасения: не знаешь, как поступить и что делать, — звони Зябкину. Любую проблему руками разревет. Его ценили, берегли как зеницу ока. Когда на третьем курсе Зябкин решил перевестись с философского на юридический факультет — а в его способности это легко сделать никто не сомневался, — вся группа с Кариной во главе уверили его, что без него они пропадут, и он остался.

Маша Трауб

Все любили Зябкина, кроме Катюхи. На втором курсе у них был короткий роман, и Зябкин спокойно совмещал личные отношения с, так сказать, общественной нагрузкой, не видя никаких противоречий и конфликта интересов. Если он на пару дней пропал с секретаршей декана, то это вовсе не означало, что он решил расстаться с Катюхой. Она — его девушка, официальная, а секретарша — для дела. Надо же проставить прогульщикам посещение. Это же на благо курса. Он же не для себя старается! Катюха рыдала, ревновала, бесилась и спрашивала у Карины, что ей делать. Карина неизменно отвечала, что Зябкин — счастье не только Катюхиной жизни, но и общественной. И лишь благодаря его усилиям их курс считается лучшим чуть ли не за всю историю института и все получают стипендию.

— Ты-то ладно, а подумай о Севе, — успокаивала Катюху Карина. — Он в общежитии живет. Каждую копейку собирает, чтобы домой на каникулы съездить. Сева слетел со ступуши из-за единственной тройки, и Зябкин выбил ему материальную помощь. Ну кто бы мог так сделать?

Но Катюха решила не делить Зябкина с общественностью. Наверное, в первый и единственный раз он не сделал так, чтобы девушка получила удовольствие от расставания. Так что они даже не разговаривали до окончания института. Позже, конечно, помирились, подружились. Зябкин произнес такой тост на Катюхиной свадьбе, что та чуть ли не из-за стола готова была пойти разводиться. Впро-

Или я сейчас умру от счастья

чем, именно Зябкин нашел Катюхе мужа и, можно сказать, сосватал ее. Случайно, конечно, получилось. Но кто знает? Ведь именно он привел своего приятеля в их компанию и подвел к Катюхе. Зябкин стал для Катюхи почти родственником. Даже из роддома ее забирал, потому что законный муж попросил оказать услугу — сам не мог, улетал в командировку. Так что и с крестным отцом для сына Катюхи вопрос был решен сразу же — ну кто, если не Зябкин? Впрочем, у него было столько крестников и крестниц, что только Карина знала точное число.

Ну и как крестный отец Зябкин пристроил подросткового сына Катюхи на теплое место на госслужбе. Работа оказалась — мечта, не бей лежачего. С девяти до шести, с тринадцатой зарплатой, полным соцпакетом, талонами на обеды в столовой и прочими радостями государственной службы. Катюха была счастлива и даже попыталась укутить себя за локоть — не стоило тогда Зябкина упускать. Молодая была, дурная. Сейчас бы, конечно, закрыла глаза на всех секретарш, вместе взятых.

Кстати, институт ее сын окончил благодаря тому же Зябкину, который и академический отпуск вместо грозившего отчисления устроил, и с военной кафедрой и с научным руководителем договорился.

Не прошло и трех месяцев, как Катюхин сын, опустив свой рыхлый для юноши зад в кресло чиновника, попытался хоть что-то понять в бумажках, разложенных на

Маша Трауб

столе, и Катюха снова стала ненавидеть бывшего однокурсника, практически родственника. А случилось так, что под звуки скрипичного квинтета, игравшего в вестибюле во время обеденного перерыва, Катюхин сын, единственный, ненаглядный, познакомился с девушкой. А спустя буквально полгода объявил матери, что готов жениться. Катюха и глазом не успела моргнуть, как стала свекровью. Избранница сына ей категорически не нравилась, семью избранницы Катюха на дух не переносила, сына, который стал говорить словами жены, не узнавала. И во всех бедах, в частности в чудовищном мезальянсе, она, не найдя более очевидного кандидата, обвинила Зябкина. За поддержкой Катюха обратилась к Карине, но та, выслушав, как всегда разумно заметила:

— Ну почему мезальянс? Может, это его потолок? Может, именно такую жену твой сын и заслуживает. Вряд ли он привлек бы умницу и красавицу. Ты же понимаешь, что, если бы не Зябкин...

Катюха смертельно обиделась на Карину и даже ушла из чата однокурсников. Карина же не хотела ее обидеть, просто мыслила логически и всегда говорила правду.

Зябкин с годами не растерял ни доброго нрава, ни готовности прийти на помощь. Он все еще отличался неизменно хорошим, на грани идиотизма, настроением. Его

Или я сейчас умру от счастья

голливудская улыбка, демонстрирующая белоснежные дорогостоящие виниры, удивительным образом оставалась искренней. Зябкин по-прежнему рассказывал пошлые анекдоты — от самых древних до современных. И по-прежнему легко, бодро и с энтузиазмом молодожена-первогодка шел в загс. Точное количество официальных браков Зябкина знала лишь Карина, но даже она не могла уследить за всеми его гражданскими связями. В статистических данных Карина также не учитывала несколько посещений загсов в тот момент, когда учреждение оказывалось закрытым на капитальный ремонт или по причине выходного дня и национального праздника. Брак, продлившийся две недели, Карина тоже не считала действительным.

Весь их курс, помимо встреч, организованных Кариной, традиционно собирался на очередной свадьбе Зябкина. К своим пятидесяти годам он был женат «только-Карина-знает-в-какой раз», и никто не дал бы зуб за то, что в последний.

«Зябкин, у меня нет столько платьев, сколько у тебя жен. Девочки спрашивают, можно им прийти на свадьбу в нарядах, в которых были на твоей четвертой свадьбе? Почти все могут влезть в те платья. Остальные собираются под платья худеть», — сообщала Зябкину Карина. «Зябкин, ты портишь мне статистику. Весь курс образцово-показательный, у всех крепкие браки, у детей полные семьи. Скоро юбилей института, и наш курс хотят наградить в номинации «лучший,

Маша Трауб

верный, крепкий», — звонила ему Карина, — а ты опять развелся!»

«Зябкин, поимей совесть! — кричала она. — Я на подарки по случаю крестин внуков деньги собираю! И опять ты со своей свадьбой! Я хочу выбирать крестильное платье, а не опять постельное белье и чайный сервиз для тебя!»

«Зябкин, я тебя убью! Наташка поругалась с мужем! Светка хочет разводиться. Ты своей очередной свадьбой подрываешь моральный дух нашего курса! Все хотят личную жизнь и звонят мне. И знаешь, что говорят? «Почему Зябкину можно, а мне нельзя?»»

Но именно последняя, как говорил, прихотливая, Зябкин, крайняя, жена устроила ему Пентагон и родила одного за другим троих детей, чего не могли или не хотели сделать предыдущие жены. Зябкин смирился с ролью подкаблучника и послушно ходил быстрым шагом от метро до дома через парк, как того требовала жена. Он больше не плавал голым в пруду в парке, не напивался вдрабадан и пропустил последнюю встречу однокурсников, потому что его не отпустила жена. А потом и вовсе сменил номер телефона. Объяснение имелось только одно: жена потребовала оборвать связи, потому что однокурсники продолжали общаться не только с Зябкиным, но и с его бывшими женами. Зябкин выбирал себе очень нужных для жизни женщин. Всех, кроме последней, или крайней.

Или я сейчас умру от счастья

•

— Бесит! — кричала Катюха. — Тоже мне, летчик нашелся! Почему он так говорит — «крайняя»? Жена может иметь порядковый номер! Если она последняя, так пусть так и говорит! Я ему словарь Ожегова подарю! Два экземпляра куплю! Один для своей невестки, другой для Зябкина!

«Ребят, надо найти Зябкина. Срочно», — написала Карина в чате, сопроводив сообщение тремя красными восклицательными знаками. Лена, жившая по соседству с Зябкиным, пообещала гулять в парке, пока не встретит бывшего однокурсника, что в конце концов и случилось. Тот шел быстрым шагом, как было велено крайней женой, и вдруг сделал вид, что не узнал Лену и даже попытался от нее скрыться, резко свернув с основной дороги на тропинку.

— Зябкин, стоять! — закричала она и кинулась вдогонку. — Ты с ума сошел? Тебя все ищут! Каринка объявила тревогу! Ты от меня сбежать хотел, что ли?

— Ленка, привет, прости. Ты ведь все еще куришь? — шепотом спросил Зябкин, хотя рядом никого не было.

— И курю, и пью! А ты что, бросил? Нет, только не говори, что ты теперь йог и жожист! — Лена достала пачку сигарет и протянула Зябкину.

— Угу! Жена велела. Пойдем покурим? — попросил Зябкин тем же жалобным, не подразумевающим отказа тоном, каким всегда просил у Лены конспекты лекций.

— Куда пойдём? — удивилась она.

Маша Трауб

— Вон, за деревья. Моя может здесь гулять. Она иногда так делает, проверяет, бегаю я или нет, — ответил Зябкин.

— Тебе что, острых ощущений в жизни не хватает? — рассмеялась Лена. Она выдала Зябкину сигарету, зажигалку и пошла с ним прятаться в кустах. Зябкин с явным наслаждением затянулся и наконец расслабился.

— Слушай, Каринка тебя в розыск объявила, — начала Лена. — Ты ей очень нужен. Не знаю зачем. Но если она тебя разыскивает, значит, что-то срочное. Ты же ее знаешь. Она не будет из-за пустяка на уши всех поднимать. Дай мне свой новый номер телефона. Обещаю, только для наших.

— Ладно. Только звоните в рабочее время и не в выходные, — попросил Зябкин и достал телефон.

— Жена контролирует, что ли? — рассмеялась Лена, — Ну, ты попал, Зябкин. Не узнаю тебя.

Он махнул рукой и достал из Лениной пачки еще три сигареты.

— Боже, Зябкин, тебе уже за полтос, как говорит мой сын, а ты сигареты на нычку стреляешь!

— Ага, смешно. Как вы там все? Нормально? — Зябкин попытался продемонстрировать виниры, но вышла кривая ухмылка. — Ты это, скажи Карине, что я не специально скрывался. Как, кстати, Катюха? Не знаешь? Отошла или все еще на меня злится?

— А как ты думаешь? — рассмеялась Лена. — Ненавидит тебя. Сильнее, чем когда ты ее бросил на втором курсе.

Или я сейчас умру от счастья

— Я ее не бросал! — воскликнул Зябкин. — Это она!

— Ну да. После того как ты роман с секретаршей закрыл, — хмыкнула Лена. — Как тебе сказать? Хорошо, что я тебя в парке подстерегла, а не она. Убила бы на месте без последнего желания. Ты бы у нее даже сигареты не выпросил, чтобы перед смертью последнюю затяжку сделать. Невестка ее уже беременная ходит. Так что твоя Катюха скоро бабушкой станет. Что ты лыбишься? Я ее прекрасно понимаю. Это ты счастливый молодой отец, а мы уже бабки. Слушай, может, тебе пачку отдать? Спрячешь от жены за батарею. Зябкин, я тобой восхищаюсь! У тебя есть силы играть в подростка! Твоя новая жена тебя что, бьет? Ты плохо выглядишь. Нет, издалека так очень даже. Похудел, стрижку модную сделал. Борода по последней моде. А вблизи не очень: уставший, седой, круги под глазами. Не высыпался? Только прошу тебя, не закрашивай седину и не коли ботокс от морщин. Наши девочки, если увидят тебя на встрече однокурсников с идеальным лбом и жгучим брюнетом, не простят.

— Лен, прости... сам знаю, что как дурак выгляжу. И веду себя как дурак. Но я так счастлив с ней. И дети... Я поставил старшего, Мишку, на коньки. Ходит на хоккей. Этот клоп во всем этом обмундировании — у меня слезы наворачиваются. Я ж ни одной его игры пропустить не могу. Сердце обрывается, будто не он, а я на льду. А Софик такая принцесса растет. Подойдет, обнимет, все. С ума сойти можно.

Маша Трауб

У младшего, Феди, зубы режутся. Я его на руки беру и по квартире хожу. Такое счастье, ты не представляешь. Мишка на тестя похож, Софик пока на меня, но характером даже не в жену, а в тещу, а Федя мой, только мой. Один в один.

— Наслаждайся моментом, — улыбнулась Лена. — Маленькие детки спать не дают, а с большими сам не уснешь.

Лена забыла отправить Каринке новый телефон Зябкина, поскольку была занята другими проблемами — муж затеял ремонт на даче, но свалился с приступом ревматизма. Врач рекомендовал покой, растирания и запретил поднимать тяжести. Так что Лене самой пришлось ездить по строительным рынкам и магазинам, поскольку ревматизм ревматизмом, а ремонт уже был запущен. Две недели Лена общалась лишь с прорабом и продавцами. Муж, к счастью, шел на поправку и все дни причитал, что Лена наверняка купила не тот лак и не ту краску. К концу второй недели она уже сама свалилась с приступом давления — то высокое по вечерам, то низкое по утрам. Она списывала все на усталость, нервозность и сама себя убеждала в том, что ничего серьезного, надо просто отлежаться несколько дней. Но становилось все хуже. Лена даже испугалась. Если раньше по утрам она ощущала слабость и подступающую тошноту, то последние несколько дней ко всем симптомам добавилось еще и головокружение. Лена помнила, что в последний раз голова так кружилась только в молодости

Или я сейчас умру от счастья

•

после сильного перепооя. Кажется, это называлось «вертолет». Стоило приподнять голову, как потолок начинал бешено вращаться. Один раз Лена тюкнулась головой в пол, причем сильно.

Ничего не помогало — ни крепкий чай, ни лимон, ни таблетки. Шторы она боялась раздернуть — глаза резало от яркого света, и тут же подступала дикая головная боль. Ее тошнило, мутило, рвало. Лена лежала в постели мокрая, как суслик, и не могла даже дойти до ванной. Вызванная «Скорая» не находила никаких особых проблем и все время заглядывала в тазик, стоявший рядом с кроватью, в надежде найти там следы отравления алкоголем или рыбой. Ее же рвало внутренностями и желчью. Для госпитализации, однако, показаний не находилось. И тогда Лена сама позвонила Зябкину, потому что ей просто стало страшно. Так было, когда сын вылетел с четвертого курса института, и только Зябкин каким-то чудом устроил ему академический отпуск, а потом заставил вернуться и защитить диплом.

— Зябкин, я умираю, — сказала она, набрав номер, который в телефоне значился как «Зябкин новый».

Зябкин перезвонил через пять минут и дал телефон врача, которому Лена тут же перезвонила. Минут десять она рассказывала молчащему абоненту про то, что умирает.

— Я вам не нужен, — сказал наконец врач.

— Как это не нужен? Мне ваш телефон дал Зябкин! — из последних сил прокричала в трубку Лена.

Маша Трауб

— Да, я понял, но я вам не нужен, — повторил врач.

— А кто мне тогда нужен? — возмутилась Лена.

— Позвоните в регистратуру и запишитесь к Ивановой, — ответил доктор и нажал отбой.

Лена была возмущена до крайности. Она перезвонила и еще минут пять упрекала доктора в равнодушии и в том, что он просто обязан помочь больному, любому, даже если ему звонят не от всесильного Зябкина.

— Елена, вы не мой пациент, — устало ответил врач. — Я заведующий реанимацией. Если вам нужна будет реанимация, я вам обязательно помогу.

Лена онемела и сама нажала отбой. Потом схватила телефон и набрала Зябкина. Тот говорил шепотом.

— Зябкин, я тебя убью при встрече. Подкараулю в парке и убью! И мне плевать, что тебя услышит жена. Я не твоя любовница, а однокурсница. Какого лешего ты дал мне телефон реаниматолога?

— Ты же сказала, что умираешь, — прошептал Зябкин.

— Прекрати шептать. Раздражает! Умираю, но мне нужен невролог!

— Прости. Я сейчас позвоню Лариске.

— Какой еще Лариске?

— Как какой? Моей второй жене. Она теперь Малкина. Ее муж — врач. Ты ему только что и звонила.

— Малкина, конечно, лучше, чем Зябкина, — рассмеялась Лена. — Я рада за твою Лариску. Она мне всегда нравилась.

Или я сейчас умру от счастья

— Да, Ларискин Малкин посоветовал нам отличного неонатолога. Про невролога сейчас узнаю.

Зябкин перезвонил и дал телефон невролога — той самой Ивановой, к которой посоветовал записаться Малкин.

Лена собиралась доехать, записалась на прием, но вдруг все прошло. Утром она проснулась, и будто не было ни тошноты, ни головокружения, ни рвоты. Она легко встала, отдернула занавески — солнце светило. Лена открыла форточку и не без удовольствия глотнула свежего воздуха. Потом заставила себя выйти на улицу и пошла через парк до дальнего магазина. Каждое утро она прислушивалась к собственным ощущениям, но приступы не возобновлялись. Правда, в голове крутилась мысль, что она собиралась сделать что-то важное, но забыла. Даже не помнила, с чем было связано дело. Так что все вернулось в прежнее русло. Слава богу, муж окончательно поправился и пропадал на даче целыми днями. Лена выбирала шторы, посуду и прочие бытовые мелочи.

Когда она получила сообщение от Карины: «Зябкин. Очень срочно», тут же вспомнила, каким было то важное дело — передать Карине новый номер Зябкина. Лена, чувствуя себя виноватой, тут же отправила телефон и лишь из вежливости поинтересовалась: «Что случилось?» — «Расскажу при встрече», — ответила Карина.

Маша Трауб

Лена, естественно, удивилась — не то чтобы они с Кариной были лучшими подругами, Карина скорее дружила с Катюхой.

«Встретимся в нашем кафе на пруду», — написала Карина. В этом кафе они всегда встречались с однокурсниками. Кто-то предлагал сменить дислокацию и пойти в модный ресторан или просто в другое место, но в результате все равно шли в кафе, чтобы не нарушать традицию. Карина говорила: «От добра добра не ищут» и «Лучшее — враг хорошего». Наверное, она была права — еда оставалась вкусной и качественной. К тому же Карину и их компанию в кафе прекрасно знали и давали им скидку.

— Что-то случилось? — спросила Лена.

— Как там Зябкин? — вопросом на вопрос ответила Карина.

— Ой, ты не поверишь — превратился в подкаблучника. Курит тайком от жены. Ночи не спит — младшего на руках носит. Говорит, что счастлив как никогда. А номер сменил, потому что жена велела. Попросил ему звонить в будни в рабочее время, только не в выходные. Прости, что я сразу тебе телефон его не передала. У меня давление скакало, а потом совсем плохо стало — то ли мигрень, то ли старость, то ли еще что-то. Я позвонила Зябкину и сказала, что умираю. Так, представляешь, он дал мне телефон реаниматолога вместо невролога! Мне так стыдно было перед врачом. Кстати, помнишь его Лариску? Вторую жену? Она теперь

Или я сейчас умру от счастья

Малкина — вышла замуж за врача. А этот Малкин как раз заведующий реанимацией! Главное, я помнила, что что-то должна сделать. Но просто из головы вылетело. Надеюсь, ничего страшного не случилось?

— Не знаю, страшное или нет. Просто хотела... посоветоваться... — задумчиво ответила Карина.

Это качество старости все ценили: если Карине что-то непонятно, она не отстанет, пока не прояснит ситуацию. Мертвого из могилы поднимет, чтобы задать вопрос, чего бы он ни касался — расписания лекций, семинаров, дипломов. И если Карина чего-то не понимала, значит, дело точно серьезное.

— Ты помнишь Веру? — спросила Карина.

— Какую Веру?

— Первую жену Зябкина.

— Конечно, помню. Музыку преподавала. А что с ней?

Все его жены оказывались, так сказать, «полезными в хозяйстве», как называл это сам Зябкин. Вера была первой в этом списке. Преподаватель музыки, класс фортепиано. Почти все дети однокурсников прошли через ее руки с большим или меньшим успехом. Наташкина дочка даже в ЦМШ поступила и консерваторию окончила.

Развод с Зябкиным никак не отразился на Вериних взаимоотношениях с его однокурсниками. Она продолжала репетиторствовать, и однокурсники передавали Веру своим друзьям и друзьям друзей с лучшими рекомендация-

Маша Трауб

ми. Она располагала к себе сразу же — всегда улыбочивая, с прекрасным чувством юмора, — могла найти подход к любому ребенку. Недостатка в учениках не испытывала никогда. Ей всегда можно было позвонить и произнести пароль: «Ваш телефон дала мне однокурсница Зябкина», и Вера соглашалась посмотреть ребенка на предмет слуха и способностей.

Карина рассказала, что в последний раз разговаривала с Верой лет пять назад — ее давняя знакомая разыскивала педагога для дочки. Та собиралась бросить музыкальную школу, и требовался человек, который бы ее переубедил и заодно поднатаскал по сольфеджио. Карина связала знакомую с Верой, та согласилась позаниматься, и Карина со спокойной душой забыла об этой истории. С той знакомой она встречалась не очень часто и в следующий раз увиделась с ней почти через год. Карина спросила про уроки музыки с Верой, и знакомая ответила, что все было замечательно, но пришлось искать другого педагога. Карина пожалала плечами — всякое бывает. Может, цена за урок не устраивала — Вера считалась дорогим педагогом. Может, расписание не совпадало. Но дурацкая привычка Карины прояснять ситуацию до конца заставила ее спросить о причинах разрыва.

— Понимаешь, даже не знаю, как тебе сказать. — Знакомой явно было неловко, и она бы предпочла обойтись без объяснений, но Карина настаивала.

Или я сейчас умру от счастья

— Не сошлись характерами? — подсказала Карина.

— Нет, не в этом дело. Просто мне показалось, что Вера Анатольевна... пьет. Точно не поручусь. Да и наговаривать не хочу на человека. На уроках она всегда была трезвой, естественно. Но иногда могла пропустить целую неделю. Говорила, что вирус подхватила. Или вдруг звонила и отменяла занятие — давление или в пробке застряла. У нее иногда голос так менялся, что казалось, она пьяная.

— Может, из-за болезни так разговаривала.

— Может, конечно. Поэтому мы расстались мирно. Педагог она действительно блестящий. Но я не знала, чего ждать. Регулярных занятий не получалось. Хотя не спорю, за одно занятие она могла дать то, что другие за пять, но все же.

— Странно. Вера обычно гоняла Зябкина, который любил выпить так, будто в последний раз. А сама никогда не пила. То есть не больше, чем все мы.

— Может, период у нее такой. Всякое бывает, — заметила знакомая.

Тогда Карина сама позвонила Вере узнать, как дела. Та была рада звонку, но ее голос тоже показался Карине странным. Или она себе напридумывала лишнего после разговора со знакомой. Вера говорила нормально, ну может быть, слегка замедленно. Но уж совсем пьяной она точно не была. Карина успокоилась.

Спустя еще полгода на встрече однокурсников Зябкин рассказывал, какой у него теперь есть дружбан в ГИБДД. Мировой мужик. Случайно познакомились — соседи продали дачу, и новый владелец оказался большим чином в автоинспекции. Да еще и грибником заядлым. Они с Зябкиным теперь за грибами вместе ходят. Любую проблему решит, если что. Верке вон права вмиг вернул.

— А что с Верой? — насторожилась Карина.

— Так бухую за рулем поймали! Лыка не вязала. Ну она мне, естественно, позвонила. Пришлось помочь, — хохотнул Зябкин.

— А она что, пьет? — уточнила Карина.

— Да откуда я знаю? Эта дурында в церковь ехала, машину новую освящать, — продолжал хохотать Зябкин, — а накануне попку обмывала. Обмыла! С утра от нее несло так, будто она не только пила водку, а еще и плавала в ней.

Все это Карина пересказала Лене.

— Все равно не понимаю, чего ты всполошилась? — Лена пожала плечами. — С каждым может случиться.

— Тогда я не всполошилась, — продолжала рассказывать Карина, — тоже так подумала, с кем не бывает. Но Вера стала мне звонить. Почти каждую неделю. Вроде бы под уважительным предлогом — сообщить, что у нее есть место для ученика и если кому-то надо, то она с радостью возьмет. Или с праздником поздравить. Про Наташкину дочку рассказывала, какая та талантливая. Про Зябкина спраши-

Или я сейчас умру от счастья

вала, мол, сон ей приснился нехороший, вот она и решила узнать, все ли в порядке? Не чужой ведь человек.

— И что? — все еще не понимала Лена.

— А то, что она была странной. Не пьяной, но странной. Не знаю, как объяснить. Может, и пьяной. Но с ней точно что-то не так.

— Хорошо, допустим, Вера пьет. Что ты можешь сделать? В наркологическую клинику с помощью Зябкина ее положить? Карин, прости, но Вера тебе чужой человек. Ну вот совсем чужой. Пусть бы она сама Зябкину звонила на прavaх бывшей жены. Чего ты-то панику развела?

— Да, я все понимаю. Но тут совсем другое. — Карина тяжело вздохнула. — А вдруг Вера... мне показалось, что она сошла с ума. Или я сошла с ума. Я просто испугалась. Ведь мы ее всем знакомым советовали. Понимаешь? Она с нашими детьми занималась. Если что-то не так, надо всех предупредить. Но я же не врач. Знаешь, я только сейчас поняла свою знакомую, которая что-то чувствовала, но не могла объяснить и поэтому отказалась от уроков с Верой. Не будешь ведь наговаривать на человека. А узнать не у кого. У Веры же никого, кроме Зябкина, нет из близких. Вот я и хотела с кем-нибудь посоветоваться. Ее звонки, рассказы — я уже не знаю, чему и кому верить.

Вера, в очередной раз позвонив Карине, радостно сообщила, что ее пригласили преподавать в Германию. Она приехала туда к подруге в гости, а та занимается музыкой с

детьми на дому. И как раз пришел ученик. Обычный мальчик, просто неусидчивый. Едва пять минут за инструментом мог вытерпеть. Подруга не в состоянии с ним справиться. Вера же так увлекла ребенка рассказом про три педали и вместе с ним ползала по полу, показывая, как меняется звук, что его родители попросили и дальше заниматься с их сыном. Подруга обрадовалась и привела Веру в местную музыкальную школу. Там ей чуть ли не с порога предложили контракт.

Карина, слушая Веру, поддакивала, говорила, что очень за нее рада. Вера сообщила, что вынуждена отказаться от всех учеников, потому что скорее всего переедет в Германию — сейчас как раз документы оформляются. И из консерватории придется уходить. Очень жаль, конечно, но что поделаешь. Ведь она давно мечтала уехать, здесь ее ничто и никто не держит. А там, глядишь, новая жизнь начнется. Вера вспоминала, как еще во времена юности оказалась в Германии и выиграла там конкурс. И, как всегда, мечтала вернуться именно туда — не важно, в какой город.

Еще через некоторое время Вера позвонила и сообщила, что из консерватории ее не отпустили. Чуть ли не на коленях стояли, просили остаться. Так что теперь она все время в самолете — летает в Германию на мастер-классы, а потом назад, сюда, к ученикам.

— Карин, и что? — все еще не понимала Лена.

Или я сейчас умру от счастья

— У нее аэрофобия, — объявила Карина, будто сообщила страшный диагноз. — Ты что, не помнишь? Зябкин еще шутил по этому поводу! Они поженились и должны были улететь в свадебное путешествие. Зябкин тогда в Париж решил ее свозить. А она только в аэропорту ему сообщила, что боится летать и в самолет не сядет ни за какие коврижки. И они из аэропорта поехали на вокзал и взяли билет на ближайший поезд. Еще радовались, что до Сочи. Но мало того, что был конец октября и дождь лил все дни, так Зябкин к тому же отравился в первый же день пребывания и всю неделю из туалета не вылезал. Такая вот медовая неделя у них получилась.

— Может, она справилась с аэрофобией? Жизнь заставит — и не с таким справишься, — пожалала плечами Лена.

— Я ей не верю, понимаешь? Просто нутром чувствую, что она врет. Про все, включая Германию.

— Хорошо, допустим, Вера пьет и не пойми зачем придумывает себе бурную активную жизнь и востребованность. Допустим, нет никакой Германии. Что ты хочешь от Зябкина? Чтобы он вывел свою бывшую жену на чистую воду? Узнал правду? Зачем? Зябкину-то это сейчас с чего сдалось? У него семья, дети, он счастлив. Он со мной шепотом разговаривал, чтобы жена не услышала. А ты хочешь ему про бывшую жену напомнить! Ну пусть живет спокойно!

— Лен, мне кажется, она болеет. А всем все равно. Думают, что Вера просто пьет. А вдруг ей на самом деле требу-

Маша Трауб

ется помощь? Она ведь наша ровесница. Ну представь, если ты вдруг одна останешься и не будешь осознавать, что говоришь, — выдохнула Карина.

— О господи, Карин! Я тоже болею. У меня то давление, то сосуды. Я вообще думала, что сдохну от приступов! С кровати не могла встать — потолок ловила. Нам всем уже не шестнадцать. Мы все с болячками. У тебя, вон, колени ноют на погоду. У Зябкина грыжа. А Соколов? Во сколько его инсульт долбанул? Сорок шесть? Сорок семь? Так до сих пор не восстановился. Рукой не может двигать. Ну что поделаешь? Жизнь такая. Здоровья с годами не прибавляется.

— Да, я все понимаю. Сама так же рассуждала. Лен, ты можешь с Верой просто поговорить? Позвони, узнай, как она. Мне нужно независимое мнение. Пожалуйста. Иначе я не успокоюсь.

— Карин, я очень ценю твою заботу обо всех нас, но мне, если честно, плевать на Веру. Ну хочешь, отведи ее к неврологу или психиатру. Я ведь даже не врач. Да и не дружила я с Верой никогда. С чего вдруг я ей буду звонить? Наташку попроси, они ведь ближе общались. Или пусть дочка ее позвонит своему первому педагогу.

— Уже просила. Наташкина дочка сейчас за границей. У нее конкурсы бесконечные. А Наташка сказала, что Веру не видела и не слышала лет десять точно, — прошептала Карина.

Или я сейчас умру от счастья

— Подожди, как это? Ее дочка ведь у Веры занималась. И Вера помогла ей поступить. Разве нет?

— Вот! — закричала Карина. — Наташкина дочка занималась с Верой всего год! Понимаешь? Год!

— Не понимаю. Ведь дочка поступила в ЦМШ, потом в консерваторию.

— Да, все так. Но Вера не имела к этому отношения. Это мы так думали. Мы все. Мы сами так решили и всем рассказывали, потому что это... вроде как логично.

— А Наташка? Почему она не сказала? — удивилась Лена.

— Ее никто не спрашивал! Никто ведь не интересовался, как ее дочь в консерваторию поступила! Кто ее готовил? Мы просто порадовались и поздравили.

— Да, как-то странно, — согласилась Лена.

— Странно другое. После разговора с Наташкой я зашла на сайт консерватории. Веры нет в списках преподавателей.

— Может, они не всех указывают? Если она не на полной ставке, например...

— Ни одной ссылки на нее. Ни единой. Нигде не значится. Хотя, помнишь, она рассказывала, как ездила с учениками на конкурсы. И что один стал лауреатом. Или это не она рассказывала, а тоже мы домыслили. Так вот, нет такого педагога. В природе не существует.

— Хорошо, может, она сменила фамилию? Или конкурсы были не такими крупными и о них не писали в прессе? — Лена все еще пыталась найти разумное объяснение.

Маша Трауб

— Я тоже так думала. Пока не нашла вот это.

Карина достала планшет и показала Лене ссылку на сайт по подбору репетиторов. Там значилось, что Вера преподавала в кружке при Доме культуры, в Школе искусств, в музыкальной школе, но не в консерватории. Карина увеличила фото диплома — Вера получила специальность «музыкальный работник дошкольного учреждения».

— Получается, что она только «В лесу родилась елочка» играла? Детям в детском саду? — Лене вдруг стало нехорошо, ее даже начало подташнивать.

— Про детский сад не знаю. Но музыкальной школы под таким номером не существует, — тихо сказала Карина, — ни в Москве, ни в Подмосковье. Я специально выясняла. И Школы искусств такой нет.

— Может, переименовали? Номер сменился?

Карина хмыкнула. Можно было не сомневаться, что она подняла все данные и все перепроверила несколько раз.

— Подожди, я не понимаю, что получается? Вера все эти годы врала? — Лена ахнула. — Но ведь она занималась. Хоть год, но занималась. И твоя знакомая говорила, что педагог она хороший, даже блестящий. А Наташка?

— Не знаю, что и думать. Но ни у Наташки, ни у моей знакомой нет музыкального образования, — ответила Карина. — Они не могли оценить на профессиональном, так сказать, уровне.

Или я сейчас умру от счастья

— Смотри, тут есть отзывы. — Лена все еще не верила, что такое возможно.

— Да, и автору одного из них я позвонила. Даже не представляешь, с каким трудом я уговорила администратора сайта дать мне контакт. А до этого вытрясти правду: два отзыва написали знакомые сотрудников сайта по подбору репетиторов. Эта наглая девица еще удивилась: что, мол, такого? Так все делают! Только один оказался реальным. Я позвонила. Трубку взяла бабушка девочки, с которой Вера занималась. Состоялось всего пять или шесть занятий. Родители девочки были рады — Настюша играла «Жили у бабуси два веселых гуся». И даже начали верить в то, что их дочка талантливая, прирожденная пианистка. Всего несколько уроков — и такой прогресс! На радостях они позвали бабушку, чтобы продемонстрировать успехи внучки. У бабушки за спиной оказалась не только музыкальная школа, но и училище. И она как раз всю жизнь отработала музработником в детском садике. Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы оценить обстановку и спустить родителей с небес на землю.

Настюша тайком, под большим секретом, за шоколадку и коробку зефира, призналась бабушке, что не хочет заниматься музыкой. И ноты эти терпеть не может. И вообще ничего не понимает в этих кружочках и палочках. А учительница, Вера Анатольевна, сказала, что она будет

Маша Трауб

играть, а Настюша будет запоминать, на какие клавиши нажимать.

У Настюши оказалась хорошая зрительная память, и она не особо напрягалась, запоминая клавиши. Но ни к музыке, ни к образованию этот навык не имел отношения. Поэтому бабушка сказала, что им с Верой Анатольевной пришлось расстаться.

— Почему же вы оставили хороший отзыв? — уточнила Карина.

— А зачем портить жизнь человеку? — объяснила бабушка. — Я ж все понимаю. Лишняя копейка никому не мешает. Время сейчас тяжелое.

— Получается, что Вера... — Лена потеряла виски, все еще не понимая, как реагировать на рассказ Карины.

— Нет, она не врала. Ей и не приходилось. Это мы за нее все придумали и создали ей биографию. Ну если я порекомендую тебе репетитора и скажу, что она преподает в консерватории, ты будешь проверять? Нет. Вот так и с Верой. Мы рекомендовали ее знакомым, а они доверяли. Нам. Понимаешь, о чем я говорю? Если Вера больна, а мы промолчим, это останется и на нашей совести. Ладно, если просто пьет. А вдруг она навредит ребенку? Не знаю... Испугает, например. Или даст ложную надежду родителям. Я не могу. Чувствую свою вину. Ведь я Веру тоже многим рекомендовала.

— Хорошо, допустим, она придумала себе преподавание в консерватории. Допустим, она не такой великий педагог,

Или я сейчас умру от счастья

как мы считали. Что мы можем сделать? Ведь нет никаких доказательств. Да и Зябкин не поможет. А чем?

— Да, я понимаю. Просто она мне звонит, понимаешь? Регулярно. Будто я ее лучшая подруга. Рассказывает про учеников, не знаю уж — реальных или выдуманных. Не знаю, как с ней разговаривать.

— Не отвечай на ее звонки, — посоветовала Лена.

— Да, я так и хотела. Но не смогла. Не знаю почему. Вера мне всегда нравилась. Понимаешь? Она была яркой, доброй, искренней. И талантливой. Ты ведь помнишь, как она джаз играла? Я ею восхищалась. Наверное, потому, что у меня не было ни одного таланта — я не умела танцевать, петь, играть. Поэтому Вера меня всегда завораживала. Да все мы ее обожали.

Лена помнила. Вера садилась за раздолбанный, ненастроенный инструмент, случайно оказавшийся на чьей-то даче, и играла так, что все плакали. Душой компании становилась она, а не Зябкин. Лишь Вера могла его затмить. В нее влюблялись как в человека. Она очаровывала сразу же. С ней хотелось сидеть, слушать ее истории из консерваторской жизни, хохотать. Вера все делала с артистизмом — и ела, и пила. Много, в удовольствие. Она сама прекрасно готовила и всегда приезжала на посиделки то с пирожками, то с блинчиками с мясом. Могла привезти целый таз капусты собственного засола. Или раздать всем в подарок

Маша Трауб

банки с компотом из персиков — тоже собственноручно закрученные. С Верой было легко и весело. Она заряжала зверским аппетитом и диким, непреодолимым желанием напиться, танцевать до упаду, петь во все горло и гулять до утра. Именно поэтому на ней женился Зябкин, замороженный ее харизмой и яркостью. Поэтому с ней общались все его однокурсники, единогласно приняв ее в свой круг, куда остальные жены и мужья не допускались. Бытовые заботы, размеренная жизнь тут же забывались, если появлялась Вера.

Один раз — Лена это помнила прекрасно, будто вчера все произошло, — Вера привезла целую, неразделанную баранью тушу. Бог знает, где она ее достала. И положила ее на балконе. Зябкин тогда обзвонил всех с криками о помощи — он не мог на балкон выйти покурить, потому что на балконе поселился баран. Вера тем временем рубила тушу, доставала внутренности и, легко орудуя топором, советовалась с Зябкиным: может, из кишок колбасу накрутить? Зябкина тошнило, мучило, и его пугал вид радостной жены с топориком наперевес. Вера потом раздавала этого барана всем знакомым — Зябкин объявил, что ни куска в рот не возьмет. А Вера хохотала и рассказывала всем, что у Зябкина чуть сердечный приступ не случился, когда он увидел бараньи кишки.

От Веры можно было ожидать чего угодно. После барана она нашла пчеловода и стала закупать мед и прополис

Или я сейчас умру от счастья

в промышленных масштабах. Но у Зябкина вдруг началась дикая аллергия, чего раньше не замечалось. После яблок, запеченных с медом, он чуть концы не отдал. Вера его откачала, но мед пришлось раздавать. Вера опять хохотала, легко расставаясь с припасами, и говорила «на здоровье». Зябкин же даже свой любимый торт медовик перестал есть.

Их яркий событиями и происшествиями брак был обречен или на полный провал, или на долгое существование. В какой-то момент Зябкин признался Карине, что или сохнет рядом с Верой, или сбежит от нее. Еще неизвестно, что лучше.

Как мужчина он, безусловно, страдал — жена затмевала его во всем. Но с этим он готов был смириться. Ужасно было другое: с Верой он вдруг стал страдать всеми заболеваниями сразу, хотя до этого на здоровье не жаловался. Стоило ей подобрать на помойке кота — странное существо с глазами разного цвета, неправильным прикусом и взглядом убийцы, которого она считала самым красивым в мире, как у Зябкина началась сильнейшая аллергия на кошачью шерсть. Он задыхался, краснел, глаза слезились. Кота он ненавидел, тот отвечал взаимностью, гадя в зябкинские ботинки и укладываясь аккуратно на его подушку. Как-то ночью у Зябкина случился такой приступ, что чуть до анафилактического шока не дошло. После этого кота пришлось пристраивать в добрые руки. Кот давно жил у других хозяев, а Зябкин все еще чесался, покрывался пят-

нами, проветривал квартиру, поскольку ему чудился запах кошачьей мочи. Все костюмы он сдал в химчистку, но даже после полной дезинфекции находил шерсть то на брюках, то на пиджаке.

Когда Вера поставила в комнате аквариум с рыбками, у Зябкина появился лающий кашель. Он ходил по врачам, сделал флюорографию, стал подозревать у себя неизлечимое заболевание, чуть ли не с жизнью прощался. Глотал зонды, чтобы проверить гортань. Пил сиропы и таблетки. Ничего не помогало — он кашлял так, будто работал на рудниках. Рыбки при всем этом ему нравились, и он каждый вечер подходил к аквариуму и сыпал корм. Лишь один врач совершенно случайно обнаружил причинно-следственную связь и заподозрил аллергию — на рыбий корм.

Аквариум отдали в местный детский сад, а Вера завела пуделя, которого назвали Шурик. Зябкин любил собак, но на расстоянии. Пудель же полюбил его страстно, с первого взгляда, и признал единственным хозяином. Зябкину понравилось выходить по утрам, выгуливая Шурика, он наслаждался свежим воздухом и прогулками. По вечерам спешил домой, чтобы выйти с Шуриком на вечерний променад. Но прошел всего месяц, может, чуть больше, как Зябкину снова поплохело. Его тошнило, мутило, настигали приступы рвоты. Он списывал все на еду, погоду и стресс. Опять ходил по врачам, которым рассказывал, как прохо-

дил быстрым шагом минимум по пять километров в день и так прекрасно себя чувствовал, как никогда. И лишь один врач, тот же, что выявил аллергию на рыбий корм, заподозрил у Зябкина глистов. Самых обычных. Зябкин диагноз отверг категорически — откуда глисты? Он ведь даже суши не ест! Врач сказал, что суши — не единственный источник заражения, так сказать. И поинтересовался, не нашли ли замену рыбкам. Зябкин ответил — нашли. Пса Шурика. Но от него никакой аллергии, одна радость и польза для здоровья, в том числе психического.

— Он меня любит, — чуть не плача, признался Зябкин врачу.

— Это понятно, — ответил тот и поинтересовался, не давали ли Шурику таблетки от глистов. Зябкин ответил, что нет, не давали. Откуда у Шурика глисты? Он тоже суши не ест. Врач прописал таблетки и Зябкину, и Шурику. Сданный анализ на яйцеглист подтвердил диагноз. Зябкин быстро пошел на поправку, а Шурик совсем плохо выглядел, в один из дней не смог даже встать. Ветеринар констатировал сердечно-сосудистую недостаточность.

— Частое заболевание у этой породы. На генетическом уровне, — пожал плечами врач.

Шурик умер. Зябкин страдал. И объявил Вере, что больше домашних питомцев они не заведут. Ни рыбок, ни мышек, ни тем более собаку. Иначе у него, у Зябкина, сердце остановится.

Тогда Вера завела цветок, который поставила на холодильник. Зябкин даже не заметил, что на холодильнике что-то зеленеет. В тот же вечер он открыл дверцу холодильника, чтобы взять кефир, и цветок, стоявший в увесистом горшке, упал прямо ему на голову. Зябкин недоуменно смотрел на рассыпанную по полу землю, расколотый горшок и красные капли, которые падали на осколки. Зябкин никак не мог понять, откуда капает, пока не дотронулся до собственной головы. Пришлось ехать в травмпункт, где он чувствовал себя очень неловко, рассказывая, что стал жертвой цветка. Медсестра ему даже не поверила.

— Небось, жена сковородой припечатала? — уточнила она.

Зябкину было не столько больно, сколько обидно. Особенно после того, как врач сообщил, что легкое сотрясение мозга все же присутствует. Так что лучше в ближайшее время лежать, резких движений не делать и вообще себя поберечь. Таблеточки еще попить. И валокординчик на ночь не помешает.

Зябкин уже всерьез опасался за собственную жизнь. Он себя берег как мог. Но, едва оклемавшись от сотрясения, снова получил бытовую травму. Вера всегда сбрасывала туфли и сапоги как попало. Зябкин сто раз просил ее убирать туфли на специальную подставку или молча делал это сам. В тот вечер он вернулся домой, разулся, убрал ботинки и в следующее мгновение споткнулся о туфлю жены,

Или я сейчас умру от счастья

больно наступив на каблук. На ногах Зябкин, естественно, не удержался и рухнул на пол как подкошенный. Попытка подняться не увенчалась успехом — голеностоп горел и раздувался на глазах. В травмпункте констатировали растяжение связок. Врач опять посоветовал беречь себя. «По возможности», — добавил он, и Зябкин понял, что не жилец.

Про семейную жизнь Зябкина знали все друзья и ждали новых подробностей. Хохотали. Только Зябкину было не до смеха.

Его терпение все же лопнуло, и он решил с Верой развестись. Не из-за непримиримых противоречий, а потому что боялся скоропостижно скончаться от инфаркта, как бедный Шурик. Еще тогда Зябкин спрашивал у ветеринара, почему у Шурика начались проблемы с сердцем. Ведь все же было хорошо!

— Стресс, у собак он тоже бывает, — пожал плечами врач.

Тогда Зябкин подумал, что именно Вера могла стать источником стресса для Шурика. Может, и на него что-нибудь ненароком падало?

Так вот, Зябкин решил развестись, о чем объявил однокурсникам. Мол, все, последняя капля. Очень жить хочется. Не готов еще умирать. Молодой, а нервы уже в труху. Да и давление скачет. Естественно, все потребовали подробностей «последней капли».

Маша Трауб

Зябкин пришел домой, промокнув до нитки, — лил дождь, зонт забыл. Да еще и на работе день выдался тяжелым. Он пошел в ванную, намереваясь постоять под горячим душем, чтобы согреться и расслабиться. Разделся, встал, собирался уже включить душ, как почувствовал, что ноги уже мокрые, да еще и в ванне он явно находится не один. Зябкин поднял одну ногу, будто это могло его спасти, и, преодолевая страх, посмотрел вниз. На какой-то миг он представил себе ванну, полную крови, и тянущуюся к его лодыжке из слива руку, которая хочет ухватить за лодыжку и утопить его в этой кровище.

В ванне плавал осетр. Зябкин, после случая с тушей барана на балконе, испытывал брезгливость ко всем видам мяса и морепродуктов в натуральном, так сказать, виде. К живым рыбам после проявившейся аллергии на корм он тоже относился с опаской и воспринимал лишь в виде стейков или филе, естественно, без головы, а желательно в виде рыбных котлет. Креветок и раков не ел, причина оставалась необъяснимой. На субпродукты даже смотреть на мог, от одного запаха мутило. Зато Вера, напротив, любила именно субпродукты — печенку, куриные сердечки в бульоне. А рыбу любила разделать непременно лично. Не говоря уже о том, что за воблу, да еще и с икрой, да под пиво могла жизнь отдать. Зябкин, так уж получилось, пиво не любил. И с неподдельным ужасом смотрел, как женщина, называвшаяся его женой, выгребает из вну-

Или я сейчас умру от счастья

тренностей воблы икру и поглощает ее с животным аппетитом.

Поскольку про осетра Вера его не предупреждала, то Зябкин заорал как ошпаренный и выскочил из ванны. Осетр продолжал нарезать круги по ванне. Вот в тот вечер Зябкин и объявил Вере, что они разводятся.

— Из-за осетра? — уточнила она.

— Нет. Из-за всего, — ответил Зябкин.

— Хорошо. Давай завтра. Сегодня должны твои друзья в гости прийти. Поэтому я осетра купила, — спокойно ответила Вера.

Зябкин вспомнил, что действительно сегодня ожидалось гости, которых он в тот момент желал видеть меньше всего. Зябкин взял книгу, потом включил телевизор, но перед глазами все равно стояла другая картинка — как Вера заходит в ванную, вылавливает осетра, тюкает его по голове, потом разделяет, доставая внутренности, промывает от крови. Зябкину поплохело не на шутку.

За ужином, на котором все нахваливали запеченного под сметанным соусом осетра, Вера рассказывала, как осетр чуть не умер от сердечного приступа раньше времени, поскольку на него наступил Зябкин. Все хохотали. Зябкин смотрел на собственную жену, которую все обожали, слушал, как она играет джазовые импровизации, как успевает подавать, уносить тарелки, рассказывать анекдоты, и прекрасно понимал, что будет выглядеть пол-

Маша Трауб

ным идиотом, если разведется. Он пытался рассказать, какой испытал кошмар, почувствовав под ногой нечто живое, как представил ванну, полную крови, но все лишь хохотали. И жаждали подробностей. Вера с артистизмом изображала, как вопил Зябкин, как он выскакивал из ванны и как перепугался бедный осетр перед смертью. Все уже не просто смеялись, а рыдали от приступа хохота.

Зябкин не знал, что делать. Не понимал, как избавиться от Веры. Лишь чувствовал, что с ней он точно не жилец. Баран, рыбки, Шурик, осетр. Он точно следующий в списке.

К счастью, Вера бросила его сама. Влюбилась и ушла с головой в роман и новые отношения. Зябкина все успокаивали, жалели, он кивал и одной Каринке признался, что только рад такому повороту сюжета. Веру он начал бояться. Пребывание дома наводило на него ужас — Зябкин смотрел под ноги, задира л голову, чтобы предупредить падение сверху тяжелых предметов.

Вера клятвенно заверила Зябкина, что они останутся друзьями, он может ей звонить в любое время и, пока он не женился второй раз, приезжала и готовила бывшему мужу его любимые куриные котлеты.

Ее же роман закончился достаточно быстро. Впрочем, по слухам, у Веры снова кто-то появился. Замуж она больше вроде как не хотела. Дети? Вере, еще в браке с Зябкиным,

Или я сейчас умру от счастья

поставили диагноз «бесплодие», который она приняла спокойно. Говорила, что ей на работе детей хватает. И еще не известно, осталась бы она хорошим педагогом, если бы стала матерью.

— Иногда она пропадает. На несколько месяцев. Может, она перестанет звонить? — спросила Карина у Лены. Лена пожала плечами.

На традиционной встрече однокурсников Карина сидела сама не своя. Зато Зябкин, вырвавшийся из семьи, старался получить удовольствие по максимуму. Он пил, ел, всех смешил, обещал пристроить на работу только что родившихся внуков, был душой компании и даже собирался плавать в пруду, непременно голым. Зябкин в тот вечер снова стал таким, каким его все привыкли видеть. Он рассказывал, что завел себе новый номер телефона — секретный, для звонков старым друзьям, и радовался, как подросток, удачно спрятавший сигареты за батареей. Он вдруг начал гладить Катюхину коленку, и та, обалдев, старалась не делать резких движений ногами. В середине вечера Зябкин сообщил, что девочки и мальчики могут заказывать любые напитки — за его счет.

— Карин, ты чего такая опрокинутая? — подседа к ней Ленка.

— Смотри. — Карина достала телефон и нашла ссылку.

На сайте репетиторов висела фотография Веры с указанием цены за занятие и прочими условиями.

Маша Трауб

— И что? Ты опять? Я думала, успокоилась, — сказала Ленка.

— Читай. Там появилась новая запись. — Карина сунула Лене под нос телефон.

Лена прочла. Ей вдруг поплохело.

— Сказать Зябкину? Как думаешь? — спросила Карина.

— Не знаю. Может, это специально? Для привлечения клиентов? Чтобы родителям было спокойнее? Как это называется? Маркетинговый ход? — промямлила Лена.

— Я ее видела. Веру, — призналась Карина. — Она мне позвонила. Совсем пьяная. Что-то мычала в трубку. Просила приехать. Сказала, что ей плохо и не к кому больше обратиться. Я сорвалась и поехала. Лен, ты не представляешь, что я увидела. Это больше не Вера. Не та Вера, которую мы знали. Грязная квартира, она сама вся в язвах, струпьях каких-то. Не мылась давно. Вонь в квартире. Бутылки по всему дому. Она ужасно растолстела. На полу валялись инсулиновые шприцы. Я вызвала «Скорую». Мне было так стыдно, ты не представляешь. Ее вообще забирать не хотели — говорили, машина провоняет, не отмоешь. Мол, только бомжихи им не хватало. Хорошо, что у меня с собой деньги были. Знаешь, что меня потрясло? На видном месте, на кухне над столом висел листок с телефонными номерами. Она написала цифры красным фломастером, а имена — разными цветами. Будто она ребенок и ей доверили оформить классный уголок. Там был старый номер

Или я сейчас умру от счастья

Зябкина, подчеркнутый двумя красными линиями. Телефон Катюхи и мой.

— Катюхи? — удивилась Лена.

— Ну помнишь, они еще дружили против Зябкина? Недолго, правда. Катюха, на правах бывшей, еще ревновала Зябкина к Вере, а потом они подружились.

— Да, что-то было, — припомнила Лена.

— Она больной человек, — продолжала Карина. — И все это время болела. Понимаешь? Она одна, совершенно. Никого нет. Не знаю, на что она живет. В квартире ее фото с Зябкиным, с нами. Помнишь, ее инструмент? Старое пианино, раздолбанное, не ценное вовсе, а Вера над ним тряслась. Она его даже к Зябкину перевезла после замужества. Так вот, инструмента в ее квартире не было. Продала, наверное. Я открыла холодильник, и мне стало плохо. Помнишь, она всегда готовила, на рынки ездила, доставала продукты... В холодильнике было абсолютно пусто. Только стухшее сливочное масло и огрызки колбасы. Вонь страшная, плесень. Даже не знаю, что она ела и ела ли вообще.

— О господи, кто бы мог подумать. — Лена не знала, что сказать.

— Я могла подумать! Я! Ведь чувствовала, что что-то не так. Не сходится. Теперь думаю, я могла ей помочь, если бы раньше спохватилась.

— Ты не знала, не могла знать. Она же звонила тебе в нормальном состоянии.

Маша Трауб

— Да, я тоже себе это постоянно твержу. Но после того вечера, когда Веру в больницу отвезла, спать не могу. Закрываю глаза и вижу этот пустой вонючий холодильник, плакат над кухонным столом и ее саму — грязную, больную, жуткую. Потом, уже в больнице, я даже не знала, что делать. Все думали, что я ее родственница, и смотрели на меня так, будто я виновата. Я твердила, что я просто знакомая. Но именно в тот момент за Веру отвечала именно я. Она была в неадекватном состоянии. Мне пришлось вернуться в ее квартиру, найти документы, перерыть рабочий стол, чтобы найти хоть кого-то из родственников. Никого. Понимаешь? Ни одной живой души. Ни одной фотографии. Будто ее жизнь началась с появления Зябкина и закончилась после развода. В шкафу висели вещи Зябкина, в коридоре стояли его тапочки. В ванной — две зубные щетки и пена для бритья.

— Может, у нее был мужчина?

— Ты думаешь, я не проверила? Пена просроченная, засохшая, а тапочки я помню — клетчатые. Мы их Зябкину подарили. Я еще деньги собирала, чтобы купить кожаные, крутые. Они в коридоре и стояли. И вещи... Зябкин в том костюме, что в шкафу висел, диплом защищал. Помнишь, появился весь такой модный, костюм в полосочку. Столько лет прошло... А у нее — ни чистого халата, ни тапочек. Ничего. Я ей вещи свои отвезла в больницу.

Или я сейчас умру от счастья

— Кошмар, даже не верится...

— Врач мне сказал, что они не знали, за что хвататься — диабет, трофические язвы, абстинентный синдром, сердце, гипертония. Они ни знали, с какого места начинать откачивать.

— Карин, ты молодец. Нам всем с тобой повезло, — сказала Лена, — если бы не ты...

— Я... Вера меня не узнала, — призналась Карина, — понимаешь? Я ей говорила, что однокурсница Зябкина, но она не вспомнила. Она сама себя не помнила. Только гладила рукой чистую простыню и укрывалась одеялом. Повторяла все время, что подушка у нее наконец хорошая, удобная. Волосы свои трогала, а потом пальцы нюхала и улыбалась — я нянечкам заплатила, чтобы ее мыли регулярно. Мне так страшно было приезжать в больницу. Но она ждала. Один раз расплакалась — соседке по палате яблоки привезли, а она даже не поделилась. Вера яблок просила. Я купила самые дорогие, красные, сладкие, а она опять расплакалась. Не такие хотела. И показала на тумбочку соседки — там лежали мелкие, мятые, явно с дачи кто-то из родственников падалицу привез. Я купила мелкие. Она радовалась, нюхала эти яблоки. Я спрашивала, почему она их не ест, а Вера ответила, что потом варенье сварит. Очень любит варенье, чтобы дольки яблочные попадались. Как в детстве. Я спросила, кто ей такое варенье варил. Может, бабушка или мама? Вера не ответила. Зна-

ешь, она будто в ребенка и в старушку превратилась, причем одновременно. По реакциями — ребенок, а с виду — старушка. Не могу... Честно... Не знаю, как тогда выдержала. Я бы и дальше ходила, навещала, но Вера меня выгнала. Да, я знаю, что она была не в себе, что взять с больного человека? Но она вдруг стала нормальной. Шутила, всех сместила. Медсестры ее обожали. Меня Вера тоже, наверное, узнала. Иначе зачем она попросила не пускать меня в ее палату? Не знаю почему. Точнее, догадываюсь. Я могла разрушить ее легенду, я стала угрозой ее разоблачения. Мне пришлось уйти. Наверное, надо было настоять, не бросать Веру.

— Когда это произошло? — спросила Лена.

— Месяц назад. Наверное, она пролечилась и вышла из больницы. Я заходила на сайты репетиторов, так, на всякий случай. И вчера наткнулась вот на это.

Лена смотрела на выставленное на сайте репетиторов фото Веры времен их общей молодости. Она стоит рядом с Зябкиным, счастливая, хохочущая. Рядом двое маленьких детей — дочка Наташки и сын Каринки. Лена прекрасно помнила, когда было сделано это фото — Карина тогда сняла целый этаж в пансионате, чтобы все однокурсники могли приехать с женами и детьми. Устроила семейный выезд на природу. Они жарили шашлыки, парились в бане, дети бесились. Все фотографировались. Тогда, в тот день, много лет назад, Вера попросила сфотографироваться с детьми и